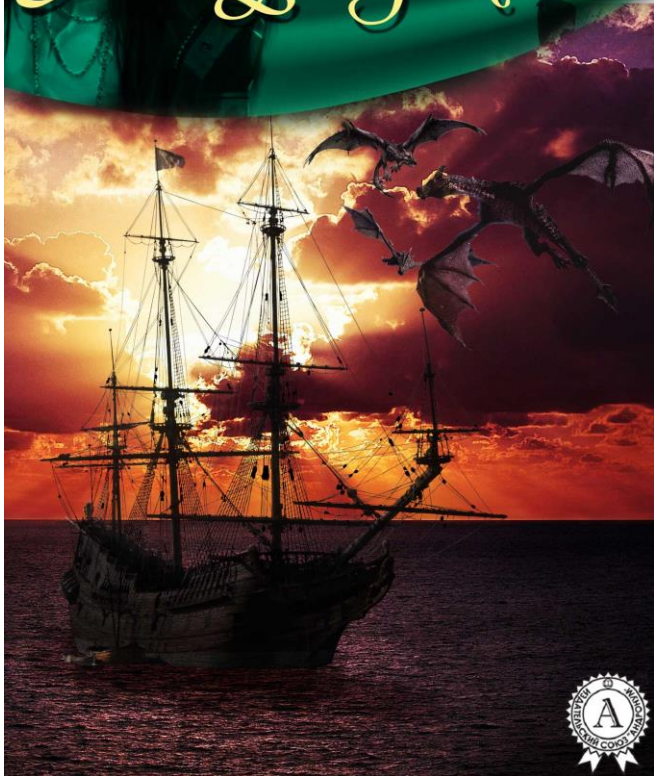

Екатерина Боброва

Риль Асхалут Дракона

Аннотация

Сгущаются тучи над драконьими землями. Похищен асхалут — неслыханно! Но еще больше драконов занимают другие вопросы. Верить людям или нет? Прогнать или признать пространственников равными себе? Грядущая битва все расставит по своим местам.

А что Риль? Ей предстоят новые испытания, разлука с любимым, странные знакомства и, конечно же, встречи с жутко упрямыми драконами, не желающими ни на кончик хвоста уступать людям.

Е. Боброва

Риль. Асхалут дракона

Глава 1

Дракон разъярённой фурией метался по комнате. Жертвами его гнева уже стали два стула, по ним хорошенько потоптались и не один раз. Стеклянный столик, до этого скромно стоящий у окна, теперь блестел осколками на полу, и даже напольная ваза времен первого малого исхода не избежала печальной участи быть разнесенной на маленькие кусочки.

Хрясь! Кулак впечатывается в поверхность стола. Бумс! Рядом опускается второй. Дракон обводит яростным взглядом стоящих у стены людей.

— Как вы могли вернуться без неё? — в раздавшемся рычании трудно было разобрать слова, но те, кому оно адресовалось, поняли всё без труда. Этот вопрос звучал уже не в первый раз, и не в первый раз Зарран пытался объяснить случившееся.

— Мы... — начал он снова, но запнулся, встретившись взглядом с взбесившимся пламенем в глазах дракона.

— Ты! — рыкнул Ласти. Глава асхалутов с

тоской проводил взглядом последнюю чашку, закончившую свою жизнь от столкновения со стеной. Ласти ужинал, когда они вернулись с печальной вестью. И теперь весь столовый сервиз валялся на полу, превращаясь в мелкое крошево под сапогами мечущегося по комнате дракона. Но безумство было оправдано. Тут всякий сошёл бы с ума, если бы нежно любимая жена пропала через три недели после свадьбы.

— Битьё посуды её не вернет, братец, — сидящий в кресле Кэстирон, небрежно стряхнул осколок недавно почившей чашки с подлокотника. — Может, всё-таки выслушаешь Заррана?

— Его жалкие оправдания тоже, — парировал тот, но пламя в глазах немного поутихло. Зарран счёл это добрым знаком. Он единственный из стоящих у стены людей рискнул произнести пару слов, «Мы, я, мне жаль» — немного, конечно, но остальные не рискнули даже взгляд от пола оторвать, чувствуя себя крайне неуютно под яростно пламенеющим взглядом дракона.

Тарк в очередной раз поправил сползающего вниз гронна. Птенец висел у него под мышкой, плотно прижатый к боку. Вид у бедняги был жалок. Нежный пух слипся от жары, и между торчащими сосульками просвечивала голая пупырчатая кожа. Глаза помутнели, в них застыло удивление,

смешанное с ужасом и полным непониманием. Птенец еще пытался держать голову прямо, но последнее время та норовила свеситься вниз. Наконец, он сдался и обмяк, чем окончательно приобрел сходство с дохлой, плохо ощипанной курицей.

С тех пор, как неизвестное бескрылое существо выдернуло его из гнезда, случилось много всего, и это всё слилось в одну сплошную какофонию звуков и мельтешение непонятных образов.

Вначале птенец даже слегка обрадовался новому другу, потянулся к нему, уловив тепло любви, идущее от бескрылого, но потом... потом всё резко стало плохо. К гнездам пришёл враг — давний, беспощадный, опасный. Его запах заставил птенца задрожать от страха и теснее прижаться к новому другу, в поисках защиты. Тот успокаивающе гладил по спине, что-то шептал, но спокойствие было ложным. И птенцу становилось все страшнее и страшнее. Рядом метались в небе взрослые, пытаясь прогнать врага.

Наконец, всё стихло. Угроза миновала, и птенец вздохнул с облегчением. Но бескрылые почему-то беспокоились всё больше и больше. Их громкие крики, суетливые движения раздражали гронна. Он хотел вернуться обратно, к спокойной безмятежности своего гнезда. Вот только

бескрылый держал крепко. А еще он почему-то нуждался в маленьком, еще не оперившемся птенце. Гронн не знал, откуда в нём эта уверенность, но она была. Без него это странное существо умрет. Птенец тихо курлыкнул, прощаясь с родными. Больше он сюда не вернется. Выбор сделан.

Сейчас в большом и странном гнезде бескрылых он пытался уговорить шею подержать еще немного голову прямо и не сдаваться. Во-первых, висеть клювом в пол не очень удобно, во-вторых, родовая память подсказывала ему, что за врагом надо смотреть в оба глаза, а делать это в положении дохлого птица невозможно. Врагов было два, и пусть пока они выглядят бескрылыми, но их вид его не обманет. Пахнут они опасностью и смертью.

— Ну, почему я отпустил её одну, — простонал Ласти, пытаясь избавиться от лишних волос, но те держались крепко и покидать его голову не собирались.

— Ты сам знаешь, что твоё присутствие было невозможным, как и любого из вас, — тихо проговорил Зарран. — Гронны до сих пор считают драконов природными врагами, и выбрать птенца невозможно, если при этом их мамы носятся в воздухе, как бешенные и норовят выклевать тебе мозги.

— Об этом известно всем, — фыркнул Ласти, усаживаясь на единственный уцелевший стул в комнате. Кроме кресла, охраняемого сидящим в нём Кэстироном, целой мебели в комнате больше не осталось. Даже большой обеденный стол и тот красовался с трещиной посередине.

— Пора начинать думать, брат, — Кэстирон встал, подошел к окну. Океан сегодня был неспокоен, и сквозь стекло доносился сердитый рокот волн.

— О чем? — вскинулся Ласти, — о том, что пятеро не смогли уследить за одной, — тут он запнулся, лицо исказила гримаса отчаянья, — за самой любимой и дорогой для меня женщиной?

Четверо людишек и один грейф издали горестный вздох, продолжая тщательно изучать каждую выбоину на полу.

— Я не знаю, что там произошло, — честно признался Зарран. Как старший он взял на себя ответственность за случившееся, хоть и Тарк, и Хирано рвались разделить её с ним, — но мы держались вместе. Тарк уже выбрал себе гронна, Риль всё медлила. Вдруг она рванула в одно из гнезд, я крикнул, чтобы она была осторожней на скалах, но тут гронны словно сошли с ума. Разом поднялись в воздух и попытались нас атаковать. В этом облаке кружащих и орущих птиц мы мигом потеряли друг друга из вида. А когда Хирано

отогнал гроннов в сторону, выяснилось, что Риль исчезла. Мы искали везде — безрезультатно. Вернулись сюда, в надежде, что ты сможешь её найти.

— Нет, — прорычал, багровея дракон, — зря надеялись, я её не чувствую, совсем не чувствую.

— Успокойся, — Кэсти положил руку на плечо брата, ободряюще сжал, — всему этому есть только одно объяснение — похищение. Тщательно спланированное, великолепно исполненное кем-то из наших. Вот почему гронны повели себя агрессивно — они почуяли своего врага и кинулись защищать гнезда. Ну, а кто-то этим воспользовался. То, что ты не можешь ощутить Риль, только доказывает мою версию. Сам знаешь, в Гнездах и не такие вещицы встречаются.

— Кто посмел? — выдохнул дракон, стервенея.

— Думаю, после того, как мы найдем его, он уже ничего сметь не будет, — лицо Кэстирона закаменело, — это вызов, брат, вызов всему Гнезду. И принимать его мы будем вместе.

Пробуждение было не из приятных. Тело явно лежало на чем-то твердом и к тому же холодном. Итак, берём за версию каменное ложе. С одного бока немного пригревало. Риль протянула руку, и пальцы наткнулись на мягкий пух. Гронн, её собственный гронн привалился к ней под бок и

сладко посапывал, уткнувшись клювом в подмышку.

Последнее, что помнила Риль, это то, как потянулась к очаровательному, немного корявому, чуть облезлому, но очень смешному птенчику. Как только руки крепко обхватили пушистый комочек, тьма обрушилась на девушку, чувствительно стукнув по затылку.

— Вижу, ты уже очнулась, — надменный голос холодно констатировал очевидное. Риль села и взглянула на источник своих неприятностей. Сложить его присутствие здесь с её похищением не составило труда. Ну, что же, посмотрим, кто тут у нас. Дракон, не старый, но и не молодой, довольно привлекательный, если бы не презрение с которым он разглядывал свою добычу. В глубине его глаз проскальзывал легкий оттенок удовлетворения, так рассматривают пойманного грызуна, давно и упорно шалившего в хозяйской кладовке. Но Риль не может быть этим грызуном, так как данного индивидуума никогда раньше не видела. Вывод один — она, скорее всего, приманка для настоящего грызуна.

На шею что-то давило, и Риль, протянув руку, коснулась полоски металла.

— Как тебе мой подарок? Нравится? — дракон удобно устроился на каменном ложе. Сквозь небольшие, размером с ладонь отверстия в стене в

камеру проникал солнечный свет, а еще оттуда пахло морем и свободой. Девушка сидела напротив на таком же ложе. Другой мебели в комнате не было. Побеленные когда-то стены уже порядком облупились, в углах мохрилась серая плесень, поселившаяся здесь из-за близости к морю. На полу темнело круглое отверстие, вполне очевидного предназначения, а массивная дверь перекрывала путь к бегству. Но, в целом было чисто, морской бриз вместе с прохладой приносил свежий воздух, и эта камера отличалась в лучшую сторону от её предыдущей.

— Я не люблю украшения, — нехотя ответила Риль. Первая же попытка окунуться в источник провалилась, ошейник блокировал магию, как впрочем, и связь. Без привычного общения с Ласти, девушка чувствовала себя одинокой, словно какая-то её часть внезапно исчезла.

— Придется поносить, — дракон прищурился, потом презрительно фыркнул, — не понимаю, что он в тебе нашел? Мелкая, рыжая, кучерявая и глаза зеленые.

— Зачем тогда похищал? Убедиться, что я не в твоём вкусе можно было и в Гнезде.

— Смелая! — в глазах дракона зажегся заинтересованный огонёк, — может дело не только во внешности, — задумчиво протянул он, окидывая Риль нескромным взглядом, — всё может быть. У

меня ещё будет время проверить эту теорию, пока твоя родня готовится к обмену.

— К какому обмену? — Риль мигом забыло о своём желании придушить чешуйчатого наглеца. Неужели её похитили ради простого выкупа?

— Обмену на семью того уroda, из-за которого я потерял двух братьев, — рыкнул дракон, и пламя безумными всполохами заиграло в его глазах. «Мсть! Мсть!» — запело оно.

Внутри Риль всё похолодело. Одно дело вести переговоры с расчетливым негодяем, и совсем другая ситуация, когда упертый дракон вершит законное право на мсть. И никто из своих его не осудит. За предательство одного в ответе Гнездо целиком. Эрльханцу повезло, что его общение с магом прервалось в одном шаге от предательства. Полное сканирование памяти оправдало любителя иномирных порошков. Но наказание ему вынесли довольно суровое, — десять лет без неба и выселение Гнезда на окраинные земли. По мнению Риль, тот и так был вполне наказан — потеря асхалута, унижение родных, но чешуйчатым виднее, кого и как наказывать.

В итоге драконам не досталось ни мага-предателя, ни того, кто действительно помогал ему ловить ящериц и отправлять их каррохедам. Все сошлись на том, что человек просто избавился от ставшего ненужным или неуправляемым

чешуйчатого помощника. Кто из пропавших драконов и был предателем, оставалось только гадать. Каждое из Гнезд отрицало вину своего исчезнувшего сына, кивая на других.

Версию, что это был последний из пропавших признали недоказанной. Но кое-кто решил, что раз маг мертв, по драконьим законам, за преступление должна ответить его семья.

Хирано рассказывал Риль, что у Бонаса есть сестра с мужем и два племянника пяти и восьми лет. И вот теперь этот надменный хищник хочет забрать их себе, забрать с единственной целью — смыть человеческой кровью потерю братьев.

— Но при чем тут я? — справедливо удивилась Риль, — Я же не семья Бонаса и даже никогда с ними не встречалась.

— Знаю, — скривился дракон, — только ваши так хорошо их спрятали, что мне до них не добраться.

На душе у Риль потеплело — молодцы! Ведь предполагали, что драконы захотят отомстить. Могли сделать широкий жест — отдать чешуйчатым семью предателя ради будущих хороших отношений. И даже отдавать не нужно было, просто не взять под защиту, закрыть глаза на особый интерес ящериц к одной семье. Нет, не стали потакать кровавой вендетте, изменяя собственным правилам: «Сын не в ответе за

преступления отца». Это драконы пусть вырезают целые Гнезда из-за одного предателя. У них может это и оправдано — дурная кровь не очищается, а у людей нет такой кровавой привязки. Отношения отношениями, дружба дружбой, но маги решили не сдавать своих в угоду чужим традициям. Этим чешуйчатым только дай на шею сесть, они с неё уже никогда не слезут.

— Разве смерть четырех невинных вернет тебе братьев?

— Человечка, ты не понимаешь! — прорычало чудовище. Лицо, искаженное гримасой ярости мало напоминало человеческое, а красные глаза казались двумя угольками, вдавленными в кожу — Ты когда-нибудь убивала своих? А мне пришлось! Никому больше я не мог доверить оборвать их жизни, отправить за грань. Но как трудно было смотреть в родные лица, наблюдать, как взбивают воздух такие знакомые крылья, как четко ложится линия полета. И вдруг ловить на себе взгляд абсолютно чужих глаз. Взгляд той твари, что пробралась внутрь и убила, а теперь пользуется телом, как своим собственным.

Ты не оставалась единственным ребенком в Гнезде, ни видела поседевших волос лунму и в одно мгновенье постаревшего отца. Жаль, что Совет теперь летает под вашими крыльями. Но мне плевать на это. Я принесу в Гнездо тех, в ком течет

кровь прислужника каррохедов. И мои родные будут улыбаться, отрезая им головы, разрывая их на части.

— Маги не пойдут на обмен, — Риль покачала головой.

— Пойдут, — злобно усмехнулся дракон, — еще ни с одним асхалутом не носились, как с тобой. Глава Совета не решится потерять сына. Я уверен, он сам лично принесет мне этих человечков. Поверь, ни один из ваших хваленых магов не стоит одного из нас.

С этими словами чешуйчатый националист ушел, не забыв запереть за собою дверь.

Риль вздохнула. Судьба изволит «радовать» своей цикличностью. Она снова одна среди чужих без магии, без связи и в роли наживки. Прекрасная перспектива. Особенно с учетом того, что её семье предстоит сделать непростой выбор — родная дочь или четыре чужих человека. Девушка помрачнела. Для Ласти такого выбора не будет. Похоже, ей суждено стать причиной охлаждения в едва наметившемся потеплении между магами и чешуйчатыми. Что предпримут Магистрат и Совет драконов? Нет, хватит гадать. Она может помочь им лишь в одном — поскорее сбежать от этого хвостатого мстителя.

Сбоку завозились, еле слышно проскрипели. Гронн! Н-да, с такой нагрузкой особо не побегаешь.

Это года через два он превратится в грозного хищника, сильного выносливого, а пока... пока комочек пуха не выживет без надлежащего ухода. Пусть он не идеален, пусть сквозь редкий грязно-серый пух проглядывает розовая кожица, а голова слишком большая для маленького тельца, да и шея длинновата, и лапы покрыты пупырчатой кожей, пусть — все равно он для неё самый лучший на свете.

Риль почесала птенца, тот затих, блаженно сощурил глазки. «Не везет тебе, милый друг, с асхалутом. Мне даже кормить тебя нечем. Ну, ничего, прорвемся, — гронн подбадривающе курлыкнул, — Как бы мне тебя назвать?» — задумалась девушка. Ей хотелось придумать своему питомцу подходящее имя. Но кроме Пушистик, Лапочка и Пушок в голову ничего не приходило. А ведь это сейчас он такой, гм, забавный, а звать взрослую птицу детским именем не солидно.

«Назову тебя Грозный», — решила она, наконец. Грозный согласно заскрипел, подсовывая голову под руку.

Дверь в камеру распахнулась, и дракон бросил на скамью большую плетеную корзину. «Меня не будет пару дней, здесь еда и питье, и не бойся, о гронне я не забыл. Для него еда в отдельном пакете, а то сдохнете тут оба. Вы, людишки, вечно такие хрупкие». С этими словами дракон, окатив

напоследок девушку волной презрения, удалился.

Первым делом Риль провела ревизию корзины. Она с трудом смогла сдвинуть её с места. Под крышкой обнаружилась большая бутылка с водой, несколько запечатанных горшочков с едой, даже фрукты и зелень. Вывод один — её похититель хорошо подготовился. В пакете были нарезанные кусочки мяса, переложённые кубиками льда. Нетянувшего льда — даже это предусмотрел, гад чешуйчатый.

Жаль, очень жаль, что ошейник не даёт возможности общаться с гронном. А так хочется в одиночестве камеры ощутить дружескую поддержку. Хоть немного прогнать тревожные мысли, отвлечься от горестных раздумий.

Ночь прошла практически без сна. На дне корзины она нашла два одеяла, но все равно мерзла. Первая ночь без ставшей привычной за эти три недели живой грелки, первая ночь заключения, первая ночь вместе с гронном, ночь без сна, но и без слез. Плакать не хотелось. Рыдания бессмысленны, да и дурной пример птенцу нечего подавать. Он и так слишком часто скрипит, переживает. Риль уже потихоньку начала понимать звуки, издаваемые гронном.

Утром её разбудили крики морских птиц, а потом в них вплелись посторонние звуки — плеск весел, скрип снастей. Риль насторожилась — кого

там еще принесло? Рыбаки или?

Через некоторое время это «или» почтило камеру личным присутствием.

— Ядро мне в корму, какая неожиданность! — присвистнул мужчина, отворив дверь. Цепким взглядом окинул камеру, девушку, не пропуская ни одной детали, — А, ничего так, сюрпризик, симпатичный. Скучаешь?

— Скучаю, — согласилась Риль. Незнакомец не внушал ей особого доверия — старые застиранные штаны, грязно лилового цвета, ярко-красная рубаша, с вышитыми на ней золотыми узорами, широкий кожаный пояс, высокие сапоги, изумрудно зеленый шарф на шее довершал этот странный наряд. Черные волосы спутаны на голове в нечто непередаваемое, яркими точками в них поблескивали бусинки, но серые глаза незнакомца смотрели пронзительно и настороженно.

— А где же твой крылатый дружок? — уточнил любитель ярких красок в одежде.

— А..., улетел, — Риль помахала в воздухе рукой, — но обещал вернуться.

— Надеюсь, не скоро, — насторожился незнакомец, — ну ладно, бывай, нам пора, — заторопился он.

— Пойдите, — Риль с трудом подавила желание броситься на шею мужчине с воплем: «Заберите меня отсюда!», — я могу пойти с вами?

— Это ещё зачем? — гость явно не желал совершать никаких подвигов и вызволять из плена прекрасную деву, — у тебя тут неплохо, еда есть, даже живая, дружок твой скоро вернется, так что не скучай. И... это... ценю твой интерес, но у меня подружка на берегу осталась. — Риль аж зубами заскрипела — каков наглец! Наглец повернулся и, уходя, добавил, — Прости, дверь придется обратно запереть, а то вдруг твой дракоша излишним любопытством вкупе с мстительностью страдает, а мне к морскому дьяволу пока ещё рановато в гости идти.

— Бойтесь, значит, — прищурилась она, выпутываясь из одеяла и вставая.

— Я? — мужчина развернулся, в три шага оказался рядом с Риль, — я боюсь? Да, капитан Дон Маррон никого...! Магичка, да? — внезапно поинтересовался он, кивая на ошейник. Девушка скривилась, — Ха! — он отступил и взглянул на неё уже по-другому, потом дернул себя за выбившуюся из прически прядь волос и простонал, — но ведь вернется же, риф мне по носу!

— Через день не раньше, — уверила его Риль.

— Хм, — капитан задумался, — за день мы дойдем до Гремящих островов, а там нас и стадо этих летающих коров не найдет. Идет, крошка, но учти, просто так я на борт своей птички пассажиров

не беру, а для тебя будет особая плата, — одна его бровь игриво поползла вверх, а потом гроза морей ей подмигнул.

— Только тронь, мигом всё переломаю, — прорычала Риль, отступая. Благо, что учителей по художественному рычанию у нее было предостаточно. Гронн за её спиной воинственно распушился.

— Успокойся, красотка, — мужчина широко улыбнулся, — дело твоё, хотел полегче работку предложить, но как хочешь. Пошли уже, драконье сокровище, ждать не буду.

Риль взяла на руки гронна и поторопилась вслед за странным капитаном. Главное, выбраться отсюда, а дальше она найдет способ уговорить своего спасителя, доставить её к родным.

Снаружи ярко светило солнце, едва заметный бриз не уменьшал жару, море лениво шевелило волнами — лето было в разгаре. По узкой тропинке, выходящей между скал, они спустились к узкой гавани.

Невдалеке покачивалось на волнах судно, точнее посудина — птичка капитана. На борту красной краской была выведена надпись: «Орлина». Около берега их дожидалась лодка. Еще одна с матросами уже почти достигла корабля. Капитан легко запрыгнул лодку и повернулся к девушке.

— Это что такое? — внезапно ткнул он

пальцем в гронна, — мне курицы на борту не нужны. А впрочем, давай. Хоть и тощий, но на бульон сгодится.

— Это гронн, — вспыхнула Риль, прижимая птенца к себе.

— Да, без разницы, — капитан сплюнул в воду, — в бульоне все равны.

Грозный при этих словах закатил глаза и притворилсядохлым. Риль уже давно заметила, что он хоть и не понимал слов, но эмоции улавливал четко.

— Еще и хворый, — скривился Маррон.

— Я его тут не оставлю, — отрезала Риль.

— Ладно, забирай свою курицу, все равно скоро сдохнет, только учти, кормить его будешь из своего пайка, а паёк получишь, когда заработаешь. У меня тут не плавучий зверинец и не приют бедных и убогих.

Риль шагнула в лодку и осторожно уселась на носу.

— Что сидим, детка? — зыркнул на неё капитан, — а толкать, кто будет, я что ли?

— Меня зовут Риль, — пробурчала девушка, спрыгивая в воду и сталкивая лодку с песка.

— Я бы на твоём месте, детка, об этом каждому встречному не говорил. У твоего дружка отменный слух. И пока ты на моей птичке, буду звать тебя крошка Ри.

Глава 2

Пока лодка медленно подплывала к кораблю, за веслами сидел капитан, Риль вглядывалась в надпись на борту. Не сразу, постепенно до неё дошло, что она может её прочитать. Первый раз, собственная грамотность так огорчала, лучше бы она эти букочки как непонятные каракули воспринимала.

— Твой корабль называется «Орлина»? — уточнила она.

— Нравится? — с гордостью задрал Маррон узкий подбородок, — лучше моей птички на этих просторах никого нет. А как она по волнам летает!

Все ясно, про эту посудину с облезшей краской и вылинявшими парусами, капитан мог петь часами. Орлины — бело-черные птицы, живущие на побережье и питающиеся рыбой и мелкой птицей. Н-да, для того чтобы назвать издавший виды корабль именем изящной и стремительной грозы всех прибрежных пернатых требовалось недюжинное воображение.

Но Риль сейчас волновало другое. Для поступления в Академию студенты должны были сдавать письмо и чтение двух самых распространенных человеческих языков каждого из пяти миров. И только в одном из них, пятом по

счету от её родного первого, обитали небольшим ареалом драконы. Вывод, при всей его печальности, очевиден — этот чешуйчатый похититель, чтоб ему облезть, для надежности утащил её в пятый мир, подальше от Гнезда. И не побоялся через порталы идти, паразит предусмотрительный. Отследить еще одно перемещение среди сотен других — практически невозможно. Это раньше в седьмом мире порталы редко открывались, а теперь там очень даже многопортально. Но самое печальное заключалось в другом, действующего представительства в этом мире у пространственников не было, хоть и появлялись они тут часто, но торговые дела постоянного присутствия не требовали. И о чем можно договариваться с капитаном, если даже отвезти её некуда и не к кому! Не было бы ошейника, нашла бы вариант, как выкрутиться. А так... слепая, глухая и потерявшаяся — «веселенькая» перспективка вырисовывается.

Лодка глухо стукнула об борт корабля. Сверху сбросили веревочную лестницу, и капитан ловко забросил на палубу конец троса.

— Эй, утопленнички, принимай сокровище.

Подниматься с гронном подмышкой было жутко неудобно, но Риль терпела, бывало и хуже. Грозный понятиливо висел, не дергаясь. Купаться в морской воде ему не хотелось.

Сверху протянулись руки и вытащили девушку на палубу. Их обладатель присвистнул, выражая своё удивление. Сбоку воскликнули: «Укуси меня акула, баба!»

— Не просто баба, — голова капитана уже показалась над бортом, — а драконья!

Риль уже открыла рот, чтобы достойно ответить, но её опередили.

— Чтоб мне волной подавиться, — высокий загорелый мужчина со светлыми, выгоревшими, на солнце волосами в грязно серой рубашке стоял на палубе, сложив руки на груди, в черных глазах светилось любопытство. Девушка бы предпочла, чтобы волна хоть немного заткнула рот капитану, но мечты не всегда сбываются.

— Так, рыбы потроха, это — госпожа Ри, и поуважительней мне с магичкой, а то новую команду набирать не хочется. Только уже привык к вашим тупым лицам, — закончив представление, Дон Маррон осмотрел свою добычу, потом сморщился, пробормотал: «Тощая, какая» и с надеждой спросил, — готовить умеешь?

Риль покачала головой. У нее не было уверенности, что её кулинарные произведения понравятся команде, еще не хватало тут отравить кого-нибудь. Хотя, идея неплоха, но что ей потом делать с целым пустым кораблем? А если придется готовить в шторм? Да, ни за что!

— Конечно, что взять с магички! — сплюнул на палубу Дон Маррон, — учитеcь, учитеcь, а готовить не умеете, — он посмотрел под ноги, лицо его просветлело, — ну, с мытьем полов, даже безрукая магичка справится. Будеcь мне палубу драить, — девушка нехотя кивнула, куда деватьcя. Капитан подумал и добавил, — еще будеcь обслуживать меня, — он широко улыбнулся, Риль оскалилась, улыбка на лице капитана увяла. Кинув на девушку разочарованный взгляд, Дон добавил, — хм..., за столом, за ужином.

Нет, этот лохматый гроза морей точно до конца плаванья у неё не доживет.

— Эй, водоросль, ты, где там, опять книги глазами протираешь? — ор капитана разнесся над палубой. Из дальней пристройки показался юноша, высокий, худощавый, немного сутуловатый. Соломенные волосы свисали до плеч, серые глаза разглядывали окружающий мир с жадным любопытством. Незнакомец оглядел Риль с интересом, но больше всего его привлек гронн, которого та держала на руках.

— Принимай, недоделок, своё драконье сокровище, — Дон Маррон насмешливо ткнул пальцем в сторону Риль, потом повернулся к девушке, — племянник мой, ради сестры в рейд взял, — пояснил капитан с некой толикой родственной гордости в голосе, — это он,

глазастый, узрел, что корова зачастила своим хвостом в сторону старых развалин махать. Молодой еще, не знает, что не только камушки эти ящерицы к себе таскать могут, — краска смущения залила лицо племянника. Он пробурчал что-то еле слышно.

— И в кого только такой уродился? — похоже, не в первый раз Маррон задавал этот вопрос небу. Он повернулся к любимому племянничку, — но дядя добрый, дядя у тебя золотой, всегда о тебе думает, вот, учительницу тебе привел, — и он, с гордостью выпятив подбородок, кивнул на девушку. Та обомлела, а капитан, не замечая ошалелый вид названной учительницы, уверенно продолжал, — он у меня способный, столько книжек прочитал — жуть, еще, говорят, у него к вашей магии расположение есть.

— Но я не могу, — простонала Риль, уже понимая, во что она вляпалась. Взять ученика, когда сама едва-едва несколько заклинаний освоила, да Хирано помрет от хохота.

— Крошка, — капитан подошел, протянул руку к её лицу, но тут же отдернул. Грозный ловко клюнул его в палец, — Ах, ты, суповой набор! — Маррон засунул окрасившийся кровью палец в рот и прошамкал, — Пожжожи, пожажешь в суп, я полакомлус твоими косточками.

— Только попробуй, — Риль крепче прижала

птенца к себе.

— Ладно, глубина с тобой, только корми его получше, чтобы суп жирнее вышел. А если переживаешь из-за этого украшения, не волнуйся, я найду умельца, который снимет ошейник. Пока и теорией позаниматься можно, — подмигнул он девушке.

Видимо на лице девушке промелькнуло слишком явное облегчение, так как капитан нахмурился и погрозил ей поклеванным пальцем.

— Не думай, что избавившись от ошейника, ты от меня сбежишь, как бы ни так, еще ни один сухопутник Дона Маррона в море без корабля не оставлял. Клятву дашь, — насупившись, произнес он, почесал в голове и добавил, — не простую, а вашу, эту самую, магическую.

Умен, зараза патлатая. А что делать? Клятву давать и вешать себе на шею ученика — последнее дело. Нет, Хирано знатно повеселится, вот только результатом этого веселья станет удвоенная нагрузка для самой учительницы. Должна же она быть на высоте, чтобы не опозориться перед своим ученичком, портался он куда подальше.

— Согласна, — сдалась девушка, — если умелец действительно снимет ошейник, я готова научить твоего племянника всему, что знаю о магии сама. При условии, если у него действительно есть способности. Если нет, прости, учить бесполезно.

Хорошо, что знает она пока не слишком много, и хорошо, что благоразумно не уточнила, где именно будет его учить. Хирано поржет, конечно, потом снова поржет, а затем примется за наглуую ученицу, позволившую себе завести ученика. И пусть, главное это будет в Гнезде, а не на дряхлой посудине посреди океана.

Солнце стояло в зените, опаляя своими лучами все живое. Риль в очередной раз вытерла пот со лба. Странно, с берега кораблик казался довольно небольшим, а вот когда это корыто надраиваешь тряпкой, оно словно становится бесконечным. Мытье палубы навевало убийственно философское настроение. Хотелось убить одну патлатую сволочь или, по-крайней мере, помечтать об этом. От придумывания сорок восьмого способа мучительной казни капитана, её отвлек радостный вопль, прозвучавший над ухом. «Вот она, моя тондочка!»

Один из матросов нырнул в большую кучу мусора и со счастливым видом вытащил оттуда нечто грязное, мохнатое и с одним глазом. «От младшенького память осталась», — поведал он, нежно прижав находку к груди. Вскоре его примеру последовали остальные члены команды. Риль, прислонившись к борту, не вмешивалась, наблюдая, как вытащенный из углов на белый свет мусор тщательно разрывают в поисках потерявшихся

когда-то вещей.

Результатом раскопок стали ценнейшие находки: две игральные карты и бросальный кубик, счастливый! штук пять разных носков, одна порванная шляпа и веревочка с зелеными бусинками, которую торжественно преподнесли капитану. Тот буркнул спасибо и спрятал находку в карман. Зачем ему бусы, Риль спросить не рискнула. Может память о подруге? К концу уборки за ней уже ходили толпой в надежде отыскать потерянные год назад капитаном две золотые монеты. Девушку монеты не интересовали, а вот помощь была очень кстати — тяжелый ящик отодвинуть или бочку убрать в угол. У Риль было стойкое ощущение, что до неё эту посудину никто не убирал, доверяя дождю и волнам смывать лишнюю грязь. Наконец, она с облегчением вылила последнее ведро грязной воды за борт и села отдохнуть.

Команда на «Орлине» была небольшой — человек пятнадцать матросов, высокий и жутко волосатый боцман Рыбахо, явно у него в предках грейфы побывали, его капитанское высокомерие Дон Маррон, шкипер — загорелый здоровяк по имени Тайл, три пушкаря и будущая жертва её преподавательского таланта — капитанский племянник Лейтор. Он совмещал на корабле несколько должностей от помощника капитана и

лекаря до «эй, ты, подай вот тот линь, да не этот плетеный, придурок, а шкерт». Кока на борту не было — на камбузе матросы дежурили по очереди, и поэтому весь экипаж то мучился от несварения, то страдал жаждой от пересоленной похлебки, то мрачно грыз сухари вместо сбежавшей каши, то занимал очередь к гальюну.

Место Риль выделили роскошное — целую отдельную кладовку на баке. В ней даже спать можно было вытянувшись во весь рост, больше, правда, ничего не помещалось, но всяко лучше, чем на палубе или в трюме с матросами. Маррон щедро предлагал поселиться в его капитанской каюте, но, к сожалению, каюта сдавалась лишь с жильцом, а Риль подобное соседство никак не устраивало.

Нет, судьба все-таки коварная особа. Среди всех всевозможных вариантов ей в ученики определили это нескладное и непонятное чудо по имени Лейтор. Девушка сидела на мешках с парусиной, наблюдая, как её подопечный помогает очищать выделенную ей кладовку от мусора. Зрелище было еще то. Мало того, что при каждом взгляде на Риль его лицо заливал румянец, а ноги начинали заплетаться — это полбеды, но руки тоже слабели и норовили выронить свою ношу на пол. Поэтому разгрузка маленькой кладовки: вынес, увидел, покраснел, споткнулся, уронил, поднял, снова уронил, покраснел еще больше — затянулась

аж до самого вечера.

А вечер был великолепным. Багряные облака уже приготовили мягкую постель для готовящегося нырнуть в них солнца. Светило потускневшее, без дневного ослепительного блеска щедро окрашивало небо в сиренево-розовые тона. Легкий ветерок слегка шевелил паруса. Подкрадывающиеся сумерки скрывали недостатки «Орлины», превращая её в настоящую красавицу. В мягком розовом свете заката не были заметны потертые, выцветшие паруса, ветхая оснастка и облупившаяся краска на бортах. Чистая, стараниями девушки, палуба, конечно, не сверкала, но пыли и мусора на ней уже не было. Гронн сладко посапывал на коленях, по телу разлилась приятная усталость, и даже ошейник больше не раздражал. Наверное, иногда любому магу полезно почувствовать себя обычным человеком. Эта мысль утешала, добавляя оптимизма. Так всегда бывает после хорошо выполненной работы. В начале она возмущает своим объемом и трудно выполнимостью, зато под конец, несмотря на усталость, в душе поселяется чувство удовлетворения — ты смог, у тебя все получилось.

Риль даже удалось спасти сегодняшней обед для команды. Заглянув днем на камбуз, она обнаружила там тощего матроса с самым отчаянным выражением на лице вступившего в

схватку с булькающей и выплескивающейся наружу похлебкой. Судя по постоянно гаснущему огню под котелком, это сражение он явно проигрывал. Вдвоем им удалось усмирить непокорную пищу и даже сделать ее съедобной. В шкафчике Риль нашла пару мешочков с приправами — незаменимое спасательное средство, способное придать безвкусной мешанине тонкий и приятный аромат.

Несчастный дежурный по камбузу долго не мог поверить, что вот эти несъедобные зернышки могут превратить его творение в нечто съедобное. Он искренне поблагодарил девушку и пообещал сохранить её помощь втайне от команды.

Все три выловленные в супе кусочки мяса Риль отдала Грозному. Тот грустно взглянул на хозяйку, но привередничать не стал. Умный, понимает, что сырого мяса ему здесь никто не даст. Он тут сам первый на роль сырого мяса.

Похлебку на корабле готовили из бобовых и кусочков засушенного мяса. Его следовало варить как минимум часа два до удобожевательного состояния. Суп был здесь на первое и на второе, а запивать его нужно было водой, в которую для аромата добавляли пару ложек даарга — крепкого напитка со вкусом давно сдохших мышей. Главным преимуществом даарга, подаваемого во всех прибрежных кабаках, была способность вызывать

бодрость и прилив сил, с оттенком безумного веселия. Длилось это, правда, недолго, после чего мозги выносило из головы, погружая рассудок во тьму забвения. В небольших дозах даарг использовали для краткого подъема сил.

Уловив аромат, идущий от своей кружки, Риль поморщилась. У даарга была еще одна неприятная особенность. Длительное и главное постоянное употребление дурно влияло на организм. Тело привыкало получать подпитку и уже не могло жить без кратких вспышек оживления. Девушка решительно отставила напиток подальше от себя. В Гнезде не обрадуются, если она вернется с такой дурной привычкой, а уж как отреагируют мама с отцом... Нет, лучше она потом пойдет на камбуз и нальет себе простой воды.

Лица матросов после принятия внутрь «лекарства» оживились, глаза заблестели, а на щеках появился румянец. Движения сделались более резкими, голоса зазвучали громче. Остаться за столом не хотелось, и Риль вышла на палубу.

— Вы тоже не употребляете эту гадость, — рядом облокотился о фальшборт шкипер Тайл, — хотя о чем я, вы же маг. Вам подобное ни к чему.

— Эта гадость никому не полезна, — возразила девушка.

— Не скажите, — не согласился Тайл, — она отлично помогает победить страх в бою, да и

лекари ее больным при потере сил выписывают.

— В бою без страха быстро теряешь разум, а вместе с ним и голову. Да и больные, приобретая силы, приобретают привычку употреблять даарг без всякого назначения лекарей.

— Может, вы и правы. Не бойтесь, капитан крепко держит команду, лично сам добавляя несколько капель в воду. На камбузе есть чистая вода, хотите, помогу вам её найти?

Риль кивнула. Тайл ей нравился. Его спокойные, размеренные движения, уверенный голос вызывали доверие. Даже странно, что такой опытный моряк забыл на борту у Дона Маррона.

— Интересная у вас птичка, — Тайл покосился на гронна, который приноровился восседать на плече у девушки. Грозный приосанился. Он уловил промелькнувшее в голосе шкипера восхищение и с гордостью задрал кверху клюв, в результате чего опасно покачнулся, смешно растопырил крылья, удерживая равновесие. — Сразу видно, здоровая вырастет махина. Еще даже пух менять не начал, а уже такой большой. Подобные птахи в здешних местах не водятся. Откуда он у вас?

— Это гронн, — Риль ласково почесала птенца по спинке, тот блаженно прикрыл глаза, — он мой друг. Его родина далеко отсюда.

В глазах шкипера промелькнул огонек

интереса, но любопытничать он не стал — на корабле каждый имеет право на свои тайны. Вдвоем они вошли в камбуз. Риль окинула сокрушенным взором царство грязных потеков, пятен, остатков еды и разбитой посуды. Убратся бы здесь, но даже приступить к такому грязилищу страшновато.

Тайл нашел целую кружку, ополоснул ей и, набрав воды из бочки, стоявшей в углу, протянул девушке. Та с наслаждением напилась пусть теплой, но довольно свежей и не затхлой воды. Потом налила в ладошку и напоила птенца. Капитан говорил, что до островов идти день, они отчалили в полдень, значит, ночью или ранним утром будут на месте. Хорошо бы, этому мстителю не пришлось в голову вернуться раньше и начать поиски сбежавшей обменной добычи.

Глава 3

Стоял один из тех дней, когда солнце, казалось, пытается наверстать упущенное за время холодов, посылая на землю тройную порцию тепла. Знойный воздух застыл, убивая своей горячностью любую попытку подняться даже слабому ветерку. Океан лениво катил неспешные волны, накапливая силы перед сезоном осенних бурь. Ярко-голубое по утрам небо к полудню выгорало под яркими лучами солнца, становясь блекло-серым.

На побережье пришло лето.

Тарк сидел в тени под большой скалой. Рядом с ним растопырив от жары крылья и приоткрыв клюв, примостился гронн. Птенцу было жарко. Рядом спасительно прохладой манила глубокая расщелина в скале, и гронн бросал на нее страдальческие взгляды, но уходить от большого брата не хотелось. Тот о чем-то глубоко задумался, глядя на океанские просторы. В его эмоциях птенец улавливал тревогу и грусть, и много еще чего, в чем ему пока было сложно разобраться.

Внезапно оба повернулись в сторону гор, ощутив приближение знакомого им существа. По тропинке от дома поднималась Гранта. В руках она несла поднос, накрытый полотенцем. Тарк невольно залюбовался стройным силуэтом девушки. Как легко она двигалась, как грациозно шла по каменистой дорожке, ловко огибая острые выступы скал! Сердце невольно забилось чаще, но маг привычным усилием успокоил его темп и поставил ментальный щит.

Все дни после такого неожиданного асхалутства он долго не мог поверить, что это очаровательное создание теперь теоретически его жена. Вот именно, что теоретически и, как объяснил Зарран, дойдет ли дело до практики, сказать трудно. Тарк до сих пор так и не разобрался во всех тонкостях асхалутства, но уяснил одно —

будут они действительно вместе или нет, зависит только от них самих, и в большей степени от драконицы, чем от ее собственного асхалута.

Первое время Тарку пришлось нелегко. Глаза видели перед собой потрясающе красивую девушку, обольстительную, невероятно изящную и даже избалованность придавала ей некий шарм. Разум просто отказывался воспринимать тот факт, что эта девушка, по возрасту практически его ровесница, на самом деле еще ребенок, девочка-подросток, не переставшая играть в игрушки. И своего асхалута она воспринимает пока лишь как новую игрушку, делая первые шаги по дороге влюбленности.

Глядя на кровную сестру, больше всего Тарку хотелось заняться с ней абсолютно не родственными вещами. Только решишь он на нечто более серьезное, чем улыбку или братский поцелуй в щечку, его ждали бы крупные хвостатые неприятности в количестве аж трех штук. Да и Гранта, несмотря на свой юный по драконьим меркам возраст, вполне могла за себя постоять. Неизвестно, как она воспримет активные действия в свой адрес. Поцелует в ответ или подпалит шкурку излишне настойчивому асхалуту?

Вот и приходилось магу держать свои желания при себе, вместе с ментальным щитом, благо Гранте он пока не по зубам, хоть она и

пыталась неоднократно его вскрыть. А скрывать за щитом было что. Тарк не сразу признался в этом даже себе самому — он влюбился, влюбился по-настоящему, с первого взгляда в эти прекрасные нечеловеческие глаза с пылающими в них язычками пламени. Но тот охотник удачлив в охоте, который терпеливо дожидается добычи, а не бросается стремглав на первый же звук.

Мысли о драконице привели его к грустным размышлениям об осени. Как только его прелестная сестренка вылетит из Гнезда, вокруг нее сразу же завьются потенциальные мужья, чтобы у них хвосты, и еще кое-что важное, отвалилось. Тарк был реалистом и прекрасно понимал, какой лакомый кусочек представляет собой белоснежная драконица, да еще родом из правящего Гнезда. За такой красавицей будут толпами ухлестывать, и вряд ли она выберет себе в мужья старого и страшного дракона. Конкурировать Тарку придется с лучшими из лучших. Так что времени, чтобы завоевать сердце Гранты остается совсем немного. И торопиться он не может... Трое чешуйчатых братьев быстро разберутся с ним по своему, по драконьи — убивать не станут, но рожу начистят, да и сошлют в Цитадель от любимой сестренки подальше. Вот такая ситуация... портался она куда подальше.

Маг и гронн синхронно вздохнули. Один от

избытка нежных чувств, второй от ожидающейся встречи с извечным врагом.

— Так и знала, что найду вас здесь, — Гранта приветливо улыбнулась, — жарко сегодня, может, слетаем искупаться?

— Тебя одну не отпустят, — усмехнулся Тарк, мигом разгадав задумку драконицы.

— А с тобой?

— А с тобой я сам не полечу. Твой брат и так на всех страшно зол, предпочитаю не дразнить его лишний раз.

Гранта негодуяще хмыкнула, потом пожаловалась.

— Никому сейчас до меня нет дела, даже Кэсти. Думаешь, они найдут Риль?

— Главное, она жива, — здравомысляще рассудил Тарк, — проще было бы убить сразу, чем прятать неизвестно где. Значит, она нужна похитителям живой. Не переживай, твои братья кого угодно переплюнут по упрямству. Риль обязательно найдут.

Гранта перестала хмуриться и улыбнулась.

— А я лапочке мяса принесла.

Гронн с Тарком синхронно вздохнули. Драконица с первых минут знакомства с Пухликом воспылала к гронну нежными чувствами, упорно принимая боевую в будущем птицу за домашнего питомца.

Именно Гранта и была ответственна за эту нелепую для грозной птицы кличку — Пухлик.

— Смотри, какое вкусное, — присев на корточки перед птенцом, драконица принялась увещевать его, — ты только попробуй, какое вкусное.

Пухлик жалобно посмотрел на Тарка, по-человечески вздохнул и послушно открыл клюв.

— Вот и умница, — обрадовалась Гранта, вкладывая в клюв кусочек сырого мяса, — смотри, какой ты худенький, даже перьев нет, — сокрушалась она, выискивая в миске кусочек пожирнее.

Тарк лишь покачал головой. Такими темпами Пухлик действительно превратится в шар покрытый перьями. Ему бы самому в таком случае оторвать свою тушу от земли, а уж про то, чтобы носить на своей спине кого-то еще и речи быть не может. Пора вмешаться. Иначе Тарк рискует вместо боевого товарища вырастить неуклюжее подобие птицы. Вот только все доводы Гранта отметала с чисто драконьим упрямством. Увы, если его сестренка вбила себе что-то в голову, свернуть её с этого пути было сложно. Тарк со страхом ждал, когда она определится с отношением к собственному асхалуту. Пока что он был нечто средним между домашней зверюшкой и новым братом. Его не устраивало ни то, ни другое. Но

лучше быть братом, чем питомцем. Пока что, Тарку приходилось довольно жестко пресекать любые поползновения Гранты взять над ним опеку. Это было нелегко. Стоило только оказаться в чем-то слабее других асхалутов или драконов, как драконица тут же вставала на защиту младшего брата. «Бедненький, как мог Зарран погнать тебя через свой изуверский лабиринт. Такой синяк! Тебе было очень больно?» — причитала девушка, хлопоча около мага после очередной тренировки. Тарк лишь скрипел зубами от подобного обращения. Он не слабак, но обучение драконов слишком отличается от принятого у пространственников. Пока что ему удавалось выкручиваться благодаря своему опыту, да и Зарран никогда не отказывал в помощи. Но жалость — не то чувство, которым он хочет завоевать сердце избалованной красавицы. Вот и приходится, напрягая все силы, быть лучшим и сильнейшим. Зарран не мог не нарадоваться рвению своего нового подопечного, не упуская, впрочем, шанса напомнить магу, что любовь к белой красавице, не должна застилать тому глаза. Ему, Заррану, нужен здравомыслящий помощник, а не сошедший с ума от неразделенной любви.

А вот гронну повезло меньше. Он был еще слишком мал, чтобы сопротивляться материнскому чувству драконицы. Та, не имея пока возможности

превратить в любимого питомца активно сопротивляющемуся этому Тарка, изливала всю свою любовь на птенца. Гронну пришлось нелегко. Асхалуты растят птиц в городе, уважая их природный страх перед драконами. Но для Тарка и его Пухлика было сделано исключение. Под птичник оборудовали одну из башен Гнезда. Семья решила, что не стоит так рано разлучать Гранту с асхалутом, и им будет полезно проводить вместе как можно больше времени. Так и вышло, что гронну пришлось сразу же привыкать к обществу своих злейших врагов.

Поначалу он держался стойко — топорщил пух, растопыривал крылья, вытягивал шею и шипел на любые попытки Гранты приблизиться к нему. Если же драконица проявляла настойчивость и протягивала к нему руку, мог и клюнуть. Но Гранту все недовольство птенца ни капельки не смущало. Наоборот, чем сильнее сопротивлялся Пухлик, тем интересней было его приручить. Слуги давно привыкли, что лучшие куски мяса теперь было собственностью этой странной, довольно безобразной на вид птицы.

Зарран пытался прекратить самовольные кормления, мол, гронна должен кормить лишь его хозяин, строго по графику. Гранта хмурила свои красивые бровки, поджимала алые губки и доказывала, что раз хозяином Пухлика является

Тарк, а она теперь старшая сестра асхалута и главная, то ей видней, кто и когда должен кормить младшенького.

Пару раз застав драконицу в птичнике, когда та пыталась уговорить маленького глупыша съесть такой вкусенький кусочек мяса, Тарк махнул рукой на это нарушение правил и лишь потребовал от Гранты соблюдать режим питания и не перекармливать птицу.

Пухлик держался стойко, и брал еду только из рук старшего брата, но это существо, пахнущее врагом, было весьма настойчивым. Постепенно гронн привык к её мягкому голосу, к вкусному запаху, идущему от её рук, перестал шипеть и вздыбливать пух. Тяжело было признать, что еда, приносимая старшим братом, была, конечно, вкусной, но второе существо ухитрилось добывать самые лучшие и отборные кусочки мяса, вид которых просто сводил с ума.

Однажды он не выдержал искушения и не клюнул, как обычно, протянутую к нему руку. Аккуратно подцепил острым клювом аппетитный кусочек мяса и утащил его к себе. Гранта довольно улыбнулась. Наконец-то, эта упрямая птица признала её своей. Она еще утрет нос этой задаваке Миррке и покатается на гронне. Главное кормить его побольше и только лучшим мясом, и тогда назло Миррке её птичка вырастет самой большой и

сильной. И пусть она побелеет от зависти, когда Гранта прилетит к ней в Гнездо на Пухлике.

Задумавшись, драконица протянула к птенцу руку и еле успела её отдернуть, когда острый клюв распорол воздух в опасной близости от пальца. Это только в мечтах все происходит быстро, в жизни требуется много терпения и сил на осуществление этих самых мечтаний. Самое обидное, когда в конце всех усилий результат оказывается совсем другим. Вот и сейчас, Гранта не могла точно сказать, зачем ей понадобилось с таким упорством добиваться расположения птицы. Ей не хватало жизненного опыта, чтобы понять, не любви гронна ей хочется добиться, а его хозяина. Но голубоглазый красавец, такой непохожий на её братьев держался немного отстраненно и даже холодно. Гранта пыталась вести себя с ним, как с младшим братишкой, но тот неизменно пресекал подобное обращение. Нет, он не был груб, всегда вежлив, предупредителен, но за его вежливостью проскальзывала плохо скрываемая насмешка. Гранта дулась, обижалась, тогда Тарк всякий раз делал нечто неожиданно и приятное — то, заберется на труднодоступные скалы и оставит под её дверью букет стеклоцветов, то сам приготовит для нее ужин по какому-то там семейному рецепту, то подарит необычное украшение.

Долго сердится на асхалута не получалось,

никак. И как к нему относится, понять, тоже не получалось. Советоваться с кем-нибудь Гранта не хотела. Она уже взрослая, ей теперь нужно заботиться не только о себе, но и о своем младшем брате асхалуте, и с отношением к нему она разберется сама, без чьей-либо помощи, не маленькая.

Дракониц, несмотря на то, что всячески баловали и лелеяли, с детства приучали к ответственности. Ведь судьба и положение Гнезда во многом зависели от лунму. Воспитанием маленьких драконят занимались бабушки, то есть те лунму, чьи Гнезда уже опустели. Они передавали опыт и знания младшему поколению. Иногда отдельные драконы проявляли преподавательский талант. Тогда вместо поиска подходящей пары они посвящали свою жизнь обучению чужих детей. Учителя ценились драконами довольно высоко. Ибо невозможно вырастить настоящего бойца или мудрого советника без достойных наставников.

По традиции обучение было домашним, но несколько раз в год дружественные Гнезда устраивали соревнования детей. Драконицы в них принимали участие лишь как зрители, уже в детства привыкая к мысли, что ради их внимания сражаются сильнейшие. Правда, учили будущих лунму дольше и намного тщательнее, чем драконят мужского пола. Ибо если даст трещину фундамент

Гнезд, то рухнет и всё здание драконьего народа.

Счастье и надежда Гнезда, ведь без драконицы невозможно продолжить род, передав все накопленное предками богатство новому Гнезду, будущие лунму покидали дом гораздо позже своих братьев. И вплоть до свадебного союза находились под опекой родных и близких. Обидеть чем-либо прекраснейшую и очаровательную означало смертельно оскорбить все Гнездо. И даже в периоды военных конфликтов противник никогда не уничтожал лунму вражеского Гнезда. Не было более страшного преступления среди драконов, чем отправить за грань дающую жизнь.

Над горизонтом показались три черные точки. Звено совершало тренировочный полет.

— Двоих на спине несут, — Гранта отвлеклась от кормления Пухлика, и тот, сыто рыгнув, стал поспешно отползать в сторону темнеющей расщелины.

— Новенькие слетываются, — вздохнул Тарк. С появлением гронна вся его прежняя жизнь ушла в прошлое. Охотиться на карохедов его не пустили, не смотря на все отчаянные мольбы командира, увы, даже собственное руководство встало на сторону чешуйчатых, разводя в стороны руками: «Извини, ты теперь вроде как женатый человек, так что о жене подумай. Она же еще совсем ребенок и твою смерть не перенесет».

Пришлось, скрипя зубами, провожать других на воинские подвиги. Работы, конечно, хватало. Как имеющих хоть какой-то опыт, его бойцов поставили инструкторами для новичков. Тренировки, тренировки, обработка новых данных, анализ. Ну, а потом... потом они разошлись. Так всегда бывает, когда слаженная команда вместо одной цели для всех получает цель для каждого. Стик отправился на родину драконов испытывать поисковое заклинание на каррохедов. Лекарь, как обычно, был нужен в боевых вылетах, остальные занялись сложным делом, превращением трех совершенно разных существ: дракона, асхалута и мага в одну воинскую единицу. А уж потом, эту единицу следовало сложить еще с двумя такими же, чтобы получить полноценное звено. Задача, прямо сказать, требующая массу нервов и дипломатических способностей.

Тарка же по полной программе загрузил Зарран. Понять асхалутство оказалось непростым делом. С одной стороны, побратимы были тем самым элементом, который позволял драконам противостоять своим злейшим врагам — каррохедам, с другой, люди и грейфы оставались именно элементом. Зарран, как мог, усиливал их позиции, добиваясь хоть какого-то уважения, но перебороть драконье отношение к любимым, но младшим братьям, был не в состоянии. Тарк только

сейчас в полной мере оценил всю трудность его положения. После первых же переговоров, маг был готов записаться в драконоборцы и срочно придушить парочку чешуйчатых высокомерий. Но стоило вернуться в Гнездо, взглянуть в любимые глаза, как гнев против драконов превращался в желание бросить весь мир под ноги одной прекраснейшей драконицы.

А неделю назад, когда он стал хозяином гронна, его вообще отстранили практически от всех дел. «Теперь он — твоя жизнь, — ткнул пальцем в комок пуха Зарран, — ты его кормишь, гуляешь, воспитываешь. Чем быстрее начнете понимать друг друга, тем лучше». Вот и оказался Тарк, как бы не удел. Даже к поискам Риль его не привлекли.

Тарку лишь оставалось тихо завидовать остальным, особенно Хирано. Тот вообще стал довольно важной фигурой, фактически возглавив все переговоры с драконами, успевая при этом разрабатывать программу обучения асхалутов и контролировать учебу своей ученицы.

Встречая по утрам в учебном центре замученную девушку, Тарк лишь качал головой. Маги всерьез взялись за бывшую первокурсницу, поставив целью максимально быстро довести уровень знаний девушки до приличного состояния. А то, непорядок. Маг, асхалут и жена дракона правящего Гнезда не должна позорить стены

Академии, путь и отучилась в них всего один год. Но судьба на все имеет свои, иногда довольно коварные, планы.

Эта, гм, асхалутка продержалась в Гнезде целых три недели, и то благодаря неусыпному контролю своего чешуйчатого мужа. Но стоило ему ослабить контроль, как птичка ускользнула из Гнезда, вместе со своим младшим пуховым братом — гронном. Тарк нисколько не сомневался, что эта упрямица не бросила птенца, где бы она ни находилась. А вот где она теперь, одному Создателю известно.

Драконам понадобилась неделя, чтобы перерыть весь мир сверху донизу, но Риль, как сквозь землю провалилась. Чутье подсказывало Тарку, что девушки нет в этом мире. На месте похитителя он бы запрятал её как можно дальше.

Драконы, конечно, обладают хорошим чутьем, острым слухом и зорким зрением, но у команды Тарка есть неоценимое преимущество — опыт. Не одного мага они вытащили из таких передряг, что драконам и не снилось. Все-таки люди обладают настоящим талантом влипнуть в переделки. И о чем только Ластирран думал, беря в жены Риль. Он же с ней раньше времени поседеет или драконы облазят от нервов? Нет, решено, завтра Тарк пойдет к братьям и потребует включить его команду в поисковую группу. Пухлик им не помешает, а лезть

в рукопашную и подставляться под удар он не собирается. Не дурак, рисковать собой, чтобы утащить за грань Гранту не будет.

Глава 4

Гремящие острова оказались действительно гремящими. Риль проснулась от грохота. За бортом шипело, бурлило, билось об обшивку, рычало и завывало злобными голосами. Не открывая глаз, она потянулась, и в этот момент два сундука, которые заменяли ей постель, решили ожить и прогуляться по полу. Девушка почувствовала, как начинает перемещаться в сторону двери, но затем её своенравная постель резко рванула обратно. Риль с размаху больно приложилась об стену, помянув в потемках того, кто стоит сейчас за штурвалом.

Сбоку жалобно пискнули. Грозному эта тряска так же пришлась не по душе, и он поспешил перебраться с пола к девушке на постель.

— Ну, что ты, успокойся. Это всего лишь небольшое волнение, — Риль погладила дрожащий комочек пуха. В этот момент корабль резко нырнул носом вниз, и она вместе с птицей опять устремилась навстречу со стеной. Еле успела подставить руки и смягчить удар. Гронн лишь крикнул, впечатываясь в стену.

Так же резко судно рвануло вверх, стряхивая с

себя воду, чтобы тут же завалиться набок. На этот раз бедным пассажирам свои ласковые объятия приготовила дверь. Гронн, как мячик, так и отскакивал от стен, пола и двери, лишь попискивая при ударе. Получив пятый за минуту синяк и исчерпав словарный запас, терпение Риль лопнуло.

— Ты оставайся здесь, — она посадила Грозного на постель, — а я пойду гляну, что там происходит. А то у меня такое чувство, что скоро нам придется проверять твое умение плавать.

Гронн в ответ нахохлился и что-то недовольно пискнул.

— Сама знаю, что птицы летают, а не плавают, — Риль пыталась попасть рукой в рукав куртки, с третьего раза ей это удалось, — но ты у меня пока не летаешь, придется учиться плавать, хотя надеюсь, до этого не дойдет. Если это разноцветное пугало утопит свое корыто, мы сами его на суп пустим.

Палуба встретила девушку каскадом брызг и оглушительным ревом. Раннее утро радовало чистым лазуревым небом и свежим, немного сильным ветром. На этом, пожалуй, плюсы заканчивались.

Риль замерла на пороге своей кладовки, не решаясь покинуть безопасное место. Палуба точно вообразила себя танцором, так и норовя ускользнуть из-под ног. Судно в очередной раз

накренилось на левый борт, демонстрируя окружающий пейзаж. А здесь было от чего впасть в панику. Серые острые скалы, зубьями подводного чудовища, торчали из пенистых вод. Вокруг них крутились, закручивались, запенивались тысячи водоворотов, вздымались тысячи фонтанов жадных брызг, словно слюна из пасти кровожадных морских монстров. Крохотное на фоне серых скал суденышко с невероятной решимостью и храбростью пробиралось сквозь пенистый лабиринт.

Воспользовавшись небольшим участком спокойной воды, Риль рванула в рубку. Цепляясь одной рукой за все, что можно, а второй лоя капризное равновесие, она добралась до трапа. А когда осилила подъем, подумаешь, всего два на ступеньках упала, да синяки на коленках поставила, то даже загордилась немного.

Дверь в рубку поддалась не с первого раза, но Риль все же смогла побороть упрямцу. Та внезапно распахнулась, оглушительный рев волн ворвался в рубку. Девушка быстро шагнула внутрь, едва избежав ускорительного пинка от резко захлопнувшейся двери. Стало тише.

Вид отсюда открывался просто душераздирающей. Сразу вспомнилась маленькая уютная каморка с двумя сундуками и теплым комочком пуха.

— А, магичка, это ты? — не отрывая рук от штурвала, обернулся Дон Маррон. Он стоял широко расставив ноги, его космы воинственно торчали дыбом, ворот рубашки был расстегнут, — Что не спишь в такую рань?

— А-а-а! — вместо ответа Риль ткнула пальцем в надвигающуюся на них скалу, — мы же сейчас разобьемся!

— Неужели? — капитан сосредоточил своё внимание на серо-зеленой громадине, — Нет, какая жалость! У меня же день рождение через неделю. А, как же пьянка, тысяча волн мне в глотку?

Он лихо заложил штурвал налево, так что девушку бросило на правую стену, а сверху на голову свалилось чучело разноцветной птицы.

— Осторожней с Логго, он очень хрупкий.

— Конечно, конечно, — пробормотала Риль себе под нос, ставя чучело на место и стряхивая пыль с головы, — на меня ему наплевать, да и на всех остальных. Тоже мне, гроза морей, да любой пьяный дракон и то ровнее лететь будет, чем этот судном управляет.

— Хей, крошка, не трусь, — подмигнул, оборачиваясь, Дон Маррон, — я тут уже в третий раз прохожу, дорогу, как морской узел, с закрытыми глазами знаю.

— Капитан, — в рубку заглянула голова шкипера, вместе с ней ворвался оглушительный рев

волн, — шлюпка готова, провизия загружена, команда на старте к эвакуации, магичку будить?

— Не надо, — буркнул Маррон.

— Что? — не расслышал из-за шума Тайл, но тут его глаза смогли различить прижавшуюся к стене и вцепившуюся двумя руками в полочку девушку, — а, сама пришла.

— Какая шлюпка? К какой эвакуации? — переспросила Риль. Она обрела, наконец, устойчивое положение, и не собиралась в ближайшее время возвращаться на палубу.

— Это... так... предосторожность, — уклончиво прокричал капитан.

— Да, — бодро гаркнул шкипер, — первые два раза мы были не совсем готовы к крушению, зато теперь нам никакое столкновение не страшно.

— Замечательно! — простонала про себя Риль, а вслух прокричала, — а сколько раз вы здесь уже проходили?

— До конца ни одного, — честно проорал Тайл, — но сейчас уверен, все получится!

— Видишь, в меня верят! — Дон Маррон кинул обвиняющий взгляд на Риль.

— Верят в него, как же, — девушка прикрыла глаза, чтобы не видеть очередное серое, вырастающее из воды, — лучше бы от штурвала не отвлекался и не совался туда, куда прохода не знает.

— Не трусь, крошка, прорвемся, — капитан лихо закрутил штурвал, корабль немного подумал, а затем бодро повернул направо, разминаясь буквально в паре метров с серой громадиной, — здесь еще мой дед проходил.

Риль только недоверчиво качнула головой. Дед — не внук. Дед, может и проходил, а вот умелость внука вызывали у нее бо-о-ольшие сомнения.

Тайл зашел в рубку, прикрыл дверь. Широко расставив ноги, он встал за спиной капитана. Риль с завистью посмотрела на шкипера — стоит, словно на твердой земле.

— Направо, — вдруг гаркнул он.

— Нет, налево, — мотнул головой Дон Маррон, приготовившись поворачивать штурвал.

— Налево прошлый раз был, — не согласился Тайл.

— Чтоб мне упиться до потери разума, прошлый раз мы поворачивали направо.

— Да, поворачивайте уже куда-нибудь, — не выдержала Риль, не в силах смотреть, как нос корабля держит уверенный курс на рифы.

Мужчины разом замолчали. Дон Маррон недовольно крикнул.

— Не ори на капитана, — сказал он, поворачивая штурвал направо, — сама — магичка, а туда же лезет с советами.

— Женщина, — тяжело вздохнул шкипер.

Риль скрипнула зубами от злости. Если бы не ошейник, она бы им показала, она бы их быстро на место поставила...

От кровавых мыслей ее отвлек открывшейся вид. Судно нырнуло в узкий проход, пройдя серые ворота скал, оказалось в поистине прелестном месте. Голубая вода мерцала тысячами солнечных зайчиков. На дне словно растянули золотые сети, которые скользили, переливаясь, по песчаным складкам. Стаи цветастых рыб бросались враспынную от нарушителя спокойствия. Впереди, среди скал, желтой россыпью манил к себе пляж. Нежно изумрудная зелень обрамляла желто-серый берег.

Риль в очередной раз попыталась найти удобное положение, но камни есть камни. Как ни крутись, а мягкими и удобными они от этого не станут. Параноик-капитан загнал ее вместе с гронном в пещеру, приказав не высовываться. Ведь эта «корова», от которой он, великодушный Дон Маррон, спас юную магичку, может в любой момент показаться на горизонте. А зрение у летающей чешуйчатой коровы выгодно отличается от ее парнокопытной земношагающей родственницы.

Зато здесь не жарко. Риль попыталась найти плюсы своего положения. И есть небольшой грот с

лужей теплой воды. В этой луже ей удалось искупать птенца и почистить одежду. Еще повезло, что на поиски гронна она оделась по-походному — тонкие штаны с кожаными вставками, легкая, почти до колен, рубашка с поясом и жилетка. Одевалась, чтобы было удобно лазить по скалам, а вместо скалолазания пришлось работать поломойкой у пиратов.

Судьба как-то странно дарит свои подарки. Если бы ее не забросило порталом к драконам, она бы не встретила Ласти. Но сейчас ей не нужны подобные подарки. Она вполне всем довольна и счастлива. Нет же. Опять ее куда-то занесло по вине одного чешуйчатого мстителя.

Мягкие волны с тихим шипением облизывали камни. Нестерпимо хотелось нырнуть в теплую воду лагуны. Ощутить прохладу на разгоряченной коже, соленый привкус на губах. Опуститься на дно, зачерпнуть ладонью мягкий песок и броситься в погоню за стайей разноцветных рыб. Мечты, мечты!

Их посудина пробудет в лагуне до заката, а потом в свете последних лучей солнца уйдет дальше до острова Шеерпонь, где их всех ждет «гостеприимная» база пиратов.

Шлеп! Перед ней на камни упал сверток неприглядного вида с непонятными бурыми разводами по бокам. Грозный заинтересованно

приоткрыл глаза и приподнял голову.

— Это вашему питомцу, — шкипер стоял у входа в пещеру, загораживая вид на море, — я так понял, что вареное мясо ему не очень по вкусу. Таких птах надо сырым выкармливать, иначе вырастут хилыми, да дохлыми.

Грозному становится дохлым не хотелось. Он поднялся с места и, неуклюже переваливаясь через камни, двинулся к подношению.

— Откуда такие познания?

Риль не торопилась принять подарок. Свод правил пространственников по выживанию в чужом мире гласил: «Любой поступок доброжелательный или нет, следует подвергнуть анализу и определить мотивацию его совершившего». Мотивация шкипера определяться совсем не хотела, как Риль ни старалась ее разгадать. Но голодный гронн не оставлял ей выбора. Он уже подобрался к свертку и тыкался в него клювом, безуспешно пытаясь добраться до содержимого. А сестра почему-то медлит. Как тут можно медлить, когда еда восхитительно пахнет — чуть сладковатой свежей кровью. Он же сейчас слюной захлебнется!

В ответ на вопрос девушки шкипер пожал плечами: «Подобные этой, у нас не водятся. Но хищник есть хищник, пусть и пернатый. В детстве я любил лазить по скалам и не раз видел, как орлины своих птенцов выкармливают. Эта покрупнее будет,

когда вырастет, но желудок у них у всех одинаковый».

— Спасибо за заботу, Тайл, — немного холодно поблагодарила Риль. Тот понятиливо кивнул, не ожидая, что девушки броситься в порыве благодарности к нему на шею.

Грозный еле дотерпел, пока Риль развернет сверток и с жадностью набросился на еду.

— Проголодался, бедняга, — сочувственно вздохнула девушка. Растущий организм по ее вине не получал необходимое питание. Шкипер проявил заботу, превратив свежепойманную птицу в филе, и гронн, оголодав, давился, заглатывая куски целиком.

— Это что за внеплановая кормежка? — голос капитана прямо-таки звенел от ярости, — курица для супа сама должна стать мясом, а не мясо поедать!

Гронн нехотя оторвался от еды и посмотрел на того, кто нагло посмел претендовать на его обед. Глаза у него налились кровью, а из горла донесся утробный глухой клекот.

— Осмею заметить, кэп, — с ленцой проговорил Тайл, — птичка явно хищная. Вон, клювище какой, да и характер далеко не мирный. Вы бы с ним поаккуратней. Такие свое защищают досмерти.

— Очень надо, — пошел на попятную

храбрый и благороднейший Дон Маррон, — нужны мне эти клеванный полудохлым птицем куски мяса. Но порядок должен быть! — он грозно оглядел подчиненных, пытаясь обнаружить малейшие признаки неподчинения. Не найдя таковых (Тайл искусно прятал эмоции под непроницаемой маской, Риль же сделала вид, что нашла косточку в кусочке мяса и ничего важнее выковыривания этой кости нет на свете), капитан успокоено нахмурил брови и милостиво разрешил. — Ладно, корми эту тварь мясом. Свою порцию разрешаю брать на камбузе до того, как она попадет в суп. А то сдохнет еще. Мне только истерик магички на палубе не хватает. И что-то я не видел твоих занятий с моим племянник, — капитан сузил глаза, потом решил, что перешедший на сторону противника предатель тоже нуждается в срочном деле. Нечего тут всяких мясом подкармливать. Дон Маррон повернулся к Тайлу, — И, шкипер, мне показалось или нет, ты хотел проложить новый курс, а еще проверить, не выросла ли пара лишних рифов на выходе из этой лужи за последнее время.

Раздав всем ценнейшие указания, капитан горделиво удалился, бросив на прощанье многообещающий взгляд на гронна. Тот ответил не менее «добрым» взглядом.

Вскоре издалека донеслись громкие вопли

капитана. Указания получили все. Нужные и не очень. Шкипер и Риль понимающе переглянулись, а затем каждый занялся своим делом. Тайл отправился готовить корабль к отплытию. Самую сложную часть пути они проделали утром, но и оставшийся кусок требовал пристального внимания. Море не прощает пренебрежительного к себе отношения. Риль делать было особо нечего. Она отчистила клюв обожравшегося птенца. Тот осоловело хлопал глазами, а потом завалился спать вполне довольный жизнью. Оставшееся мясо девушка положила в темный и прохладный угол пещеры.

Деятельность капитана принесла свои плоды. И теперь один из этих плодов нерешительно переминался у входа в пещеру.

— Привет, Лейтор, заходи, — позвала племянника Риль. Ждать пока он сам соберется с духом, можно было и до позднего вечера.

— Г-г-госпожа, — цвет лица Лейтора сейчас мог посоперничать с клонящимся к горизонту солнышком. Одну руку он прятал за спиной, второй пытался избавить куртку от верхней пуговицы.

Послал же ученичка, Создатель. Ему не про магию рассказывать надо, а уверенность в себе развивать. Если он и дальше будет краснеть, как девица на первом свидании, учить его бесполезно. И в принципе пока бесполезно — проверить

способности Лейтора к магии она не может. Если только...

— Давай договоримся, — Риль улыбнулась и заворожено замерла — ей еще никогда не доводилось видеть, чтобы кто-то так быстро менял цвет лица с красного на белый.

«Для начала, улыбки отменяются, тон сухой и сдержанный, но дружелюбный», — мысленно поставила себе на заметку.

— Наедине мы с тобой на ты, и зовешь меня Риль, для остальных — госпожа Ри. Чтобы там не наобещал твой дядя, я не имею права заводить себе ученика. Считаю меня старшим другом, который взялся тебя подтянуть по учебе. Если способности у тебя действительно есть, то занятия со мной лишь начало. Нужно будет учиться дальше.

Выбранный тон оказался верным. Лейтор немного расслабился. Лицо его опять порозовело, перестав пугать своей бледностью. Он даже кивнул в конце её речи, дав понять, что учиться не против.

Гронн тоже заинтересовался гостем. Изволил проснуться и сейчас настороженно наблюдал за посетителем сквозь щелки глаз.

— Вот и отлично. Присаживайся. Начнем с того, что ты мне расскажешь, почему увлекся магией.

Лейтор присел на камень, вздохнул, помолчал. Открыл было рот, но вдруг резко вскочил,

попытался заглянуть себе за спину, вывернув шею назад. За спиной гронн с довольным видом пережевывал нечто. Желтый сок стекал по клюву. В глазах читался восторг.

— Грозный, — прикрикнула на воришку Риль, с трудом сдерживая улыбку. Птенец вынырнул из состояния блаженства, ответил девушке недоуменным взглядом — что за крик? Затем занялся изучением окружающего пространства. Не найдя больше ничего вкусного, он попытался подпрыгнуть и достать еще одну порцию. Лейтор понял, что подарок надо спасти. Глубоко вздохнув, он резким движением вытянул вперед руку. В маленькой корзинке горкой были сложены желтые овальные плоды.

— Вот, — пробормотал племянник, кивая на подарок.

В ногу Риль нетерпеливо ткнулся Грозный. Весь его вид словно говорил, давай, корми сама, раз не разрешаешь брать у этого...

— Спасибо, Лейтор, — поблагодарила, принимая фрукты. Желудок радостно заурчал. Еда была кстати. Это некоторые сырым мясом наелись, а она с утра ничего не ела. Пришлось, конечно, делиться с наглым пернатым, который, оказывается, любит полакомиться сладкими и сочными плодами, — так что у тебя там с магией?

С магией у Лейтора оказалось даже много

чего. Подняв вверх палец правой руки, он замер, сосредоточенно закусив губу и буравя палец напряженным взглядом.

Эх, как жаль, что она не может сейчас видеть, что творится с потоками силы! Риль оставалось лишь ждать конечного результата. А он оказался неожиданным. Палец сначала покраснел, потом ожидаемо побелел, но и эта раскраска его не удовлетворила. В конечном итоге, палец словно окунули в банку с фиолетовой краской и брызнули немного крови.

— Оригинально, — Риль разглядывала это чудо природы, пытаясь понять, что же это — фокус или же какая-то магическая несуразность?

Глава 5

По времени чудо продержалось немного, минут десять, потом палец постепенно побелел и приобрел свой обычный, естественный вид.

Лейтор смущенно откашлялся и завел руку за спину.

— Как бы вот, — он покосился на Риль и замер в ожидании приговора.

— Скажи, Лейтор, а почему тебя раньше магам не показывали? — осторожно спросила она.

— Показывали, — скривился юноша и даже руку достал из-за спины, чтобы ее огорченно

махнуть, — есть у нас один, вроде как маг. Когда я начал чудить в детстве, ну, там несушку в розовый цвет покрашу или молоко синим сделаю, мать ругалась, била даже, пока дядя не вмешался. Он что-то там углядел во всех этих моих шалостях, видимо что-то очень важное. Даже матери запретил меня ругать. Поташил к Лохмачу. А тот только лишь руками замахал: «Кыш, уберите от меня это недоразумение. Он мне тут пол лавки разнесет!». Подумаешь, одну, нет, две склянки разбил. Да, ему спасибо надо сказать, что такую вонючую гадость на пол вылил. Маг, он, как же! Только и знает, что настойки перегонять, да наших ими травить. Самогонщик, а не маг!

— Ну, маг, он или нет, я не знаю. Про дар твой тоже пока сказать ничего не могу. Сам видишь, я сейчас словно слепая. Талант у тебя есть. Странный, конечно. Да и проявляется слабо. Для самоучки ты поздноват. К такому возрасту либо выгорают, либо уже имеют две или три степени обучения. Но тестирование пока придется отложить.

— Да, я понимаю, — Лейтор смотрел с такой надеждой, словно она ему уже степень магистра присвоила. «Да, не повезло тебе, парень. Пираты не признают слабых и чудаков. А дядя твой лишь потому тебе помогает, что измыслил выгоду с редкого дара поиметь. Окажешься пустышкой, так

враз и забудет о тебе», — Риль рассматривала своего ученика со смесью жалости и раздражения. Парня было жалко, но брать на себя ответственность за это чудо пиратское ей не хотелось. Самой бы выбраться из этой переделки, да гронна не погубить. Но кое-что для него она могла сделать и сейчас, без всякой магии.

— У тебя есть сейчас какие-нибудь дела на корабле?

— Нет, я свободен до отплытия.

— Прекрасно, есть важное дело, — Лейтор приосанился, важные дела ему поручались крайне редко, — нужно набрать еще вот этих фруктов, и я видела на скалах птиц. Свежие яйца будут очень кстати.

— Но..., — важное дело приобретало абсолютно несолидные оттенки простой добычи продовольствия.

— Видишь ли, мой юный ученик, — вкрадчиво начала Риль, ибо дело, выполненное со смыслом, гораздо продуктивнее бессмысленного занятия, — это прожорливое пернатое создание, ради которого ты будешь стараться, не просто птица, нет, это очень сильное магическое существо. Сейчас он маленький, и потому выглядит так, гм, невзрачно, но зато когда вырастет, то может и с драконом поспорить.

Риль не стала уточнять, что только поспорить,

да и то, когда дракон принимает человеческое обличье. Главное, Лейтор проникся поставленной задачей и отправился на промысел. «Ну, что же, — поздравила себя Риль, — какой-то толк с ученика уже есть, если он не убьется на скалах и не притащит чего-нибудь ядовитого».

К пиратскому поселению они подплывали в поздних уже потерявших нежную розовую окраску лучах рассвета. Город по своему виду совсем не напоминал базу морских грабителей, скорее средних размеров рыбацкий поселок, средней же степени паршивости. Вдоль берега уже неслись ребятишки, сверкая голыми пятками и оглашая окрестности приветственными воплями и свистом. Им вторили мелкие лохматые собаки. На корабль им было, конечно же, плевать с высоты своей пасти, но поддержать радость любимых хозяев — обязанность любого четвероногого друга. Немного не в тон голосил скот, бредущий по дороге к пастбищу. Парнокопытные проводили ежеутреннюю спевку, попутно недовольно мыча на побуждающие причмокивания, окрики, а то и шлепки пастуха.

Все эти звуки сплетались друг с другом, отражались от невысоких скал и неслись над гладью моря эдаким многоголосым: «Эге-гей, гав-вау, му-у, пошла, костлявая» и повторялись снова и снова. Пожалуй, лишь звучный